

«Дружу с небом и убиваю своих героев»

Для Валерии Нарбиковой нет ничего запретного

Новые известия - 2003
- 5 февр. - с. 6

Ольга НИКОЛАЕВА,
Александр НИКОЛАЕВ,
для «Новых Известий»

— Валерия Спартаковна, после бурной волны выхода первых ваших книг наступило довольно длительное затишье — вот уже восемь лет. Чем это вызвано?

— Дело не во мне, я продолжаю достаточно много работать. Однако все написанное печатается только в периодике. Конечно, мне очень хотелось бы увидеть в книжном варианте новые романы «И путешествие» и «Султан и отшельник», но издатели считают меня некоммерческим автором.

— Ваши вещи обычно невелики по объему, но многие из них почему-то последовательно именуются романами...

— В традиционном европейском понимании роман определяется не количеством страниц, а другими параметрами. Я называю это присутствием в тексте определенной внутренней линии. Поэтому для меня толстовская трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» вполне сопоставима с рассказом Чехова. Просто один свою линию разворачивает в некую широкую поверхность, а другому это не требуется в силу его удивительной самодостаточности.

— Та линия, которую вы выстраиваете в литературе, как-то изменялась со временем?

— Нет, менялась только линия поведения, моего собственного. Думаю, меня по жизни ведет интуиция.

— Она оберегает вас от тех или иных ситуаций?

— Точнее, от обстоятельств — это для меня разные понятия. Мне везет, я много раз попадала в сложные обстоятельства, но никогда — в дурачки. Я называю их именно дурачками, потому что выход из них ты не можешь предвидеть. Если бы однажды такое со мной приключилось, я бы до сих пор выкарабкивалась.

— С чего для вас начинается процесс написания той или иной вещи?

— С настроения, которое, обычно создает остро пережитый случай, причем очень часто действуют моменты внешние.

— Вы не склонны утверждать, что художнику следует относиться к жизни несколько отстраненно?

— Это не про меня. Но я должна признать, что всегда включаюсь сильнее, если что-то видела непосредственно. Если на моих глазах автомобиль раздавит ребенка, я буду переживать это событие куда острее, чем когда узнаю, что где-то пьяный отец семейства зарубил нескольких маленьких детей... А порой настроение может возникнуть совершенно внезапно, от каких-то звуков, раздавшихся за окном, где дворник чистит снег: дрык, дрык, дрык... Именно из них родился образ мира прозрачных стеклянных кукол в дольной ранней вещи «Инициалы», где герой собирает бутылки и делает из них куклы. Меня потом упрекали в кощунстве — как может этим заниматься служитель храма, да еще потом святить их по-православному. Наверное, я в какой-то степени язычница, так как не понимаю, что, собственно, здесь кощунственного, да и вообще не понимаю, что такое кощунство. Для меня не существует никаких табу, и я убеждена, что в литературе нет запретных тем. Бо-

Валерия НАРБИКОВА принадлежит к числу тех прозаиков, чье творчество получило в критике название «новой» или «другой» литературы. Нарбикова родилась в Москве в 1958 году. Закончила Литературный институт, где занималась в семинаре Андрея Битова. До начала перестройки в России не печаталась. Первая публикация появилась в 1988 г. в журнале «Юность». Автор книг «План первого лица. И второго» (1989), «Равновесие света дневных и ночных звезд» (1990), «Ад как да — ад как да» (1991), «Около Эколо» (1992), «Избранное, или Шепот шума» (1994). Ее книги изданы в ряде европейских стран. Как художник участвовала в отечественных и зарубежных выставках.

лее того, запретного нет и в самой жизни.

— Однако существуют десять заповедей.

— В них мне далеко не все ясно. Допустим: возлюби ближнего, как себя самого. Во-первых, человек должен изначально любить себя, но это не всегда случается, а во-вторых, ближнего я никогда не смогу полюбить, как себя, поскольку он совершенно на меня не похож. И я всерьез не представляю, как можно одинаково любить себя и кого-то, кто никогда тобой не станет.

— А как быть с заповедью «Не убий»?

— Жизнь в значительной мере строится на убийстве, ибо оно составляет одну из линий человеческого поведения. Человек — существо агрессивное, обладающее способностью убивать, особенно, когда его к этому вынуждают. И никакие запреты здесь не действуют. Вот мне говорят, что «Султан и отшельник» — роман страшный. Верно, в двух последних главах есть сцены насилия, но откройте окно, и вы окунетесь в такой страшный мир, который ни одной литературе не расхлебать. Если же в ней присутствует тема насилия, то это наименее худший и, если хотите, даже божественный его вариант.

— Тем не менее все чаще слышится тревога, что многие литературные произведения имеют прямое и резко негативное воздействие на читателей.

— Думаю, что это относится и к литературе самого низкого художественного уровня, и к недалекому, глупому человеку. Я убеждена, что если человек совершает преступление, то оно направлено исключительно против него самого. Суть не в том, чего он лишил другого, а в том, что он отнял у себя, и главная его вина — перед самим собой. Ну а

коли такой человек взял в руки ту или иную книжку и отправился действовать, писатель никак не виноват.

— Вы, когда пишете, думаете о реакции читателей?

— Нет, конечно!

— Она вам неинтересна?

— Наоборот, очень, но только после того, как вещь закончена и напечатана. Я бесконечно признательна тем, кто присылает мне хорошие, добрые письма, но не обижаюсь, если кто-то откладывает написанное мной в сторону и недоумевает: а на фиг все это надо? Что ж, мое личное дело — написать, а их — читать или не читать.

— Стало быть, если человеку по прочтении вашей вещи стало страшно, вас это не беспокоит?

— Моя мама, врач по профессии, тоже говорит, что ей страшно меня читать. Когда же я спрашиваю, не страшно ли ей делать искусственное дыхание, то она отвечает, что нет, привыкла. Я же на ее месте, наверное, от страха умерла бы. Так и мой способ письма сродни искусственному дыханию. И когда я его по своему делаю, то испытываю облегчение и такое чувство полной свободы, что ничего не боюсь. И последнее. В моих текстах я часто убиваю героев, и этот акт имеет важное символическое значение — иначе герой начнет материализовываться в следующих своих проявлениях, и так может продолжаться до бесконечности.

— Нельзя ли это сделать более мирным путем?

— Завершив все воздушным поцелуем? Нет, совершенно невозможно. С героем должно быть решительно покончено раз и навсегда — я не хочу, чтобы он влезал в чужое пространство, принадлежащее уже другому персонажу. Жизнь героям

стоит сохранять лишь в тех случаях, когда они совпадают с автором, но это свойственно обычно документальной прозе в духе любимого мной Тура Хейердала, чьи книги я часто перечитываю перед сном.

— Любите путешествовать?

— Обожаю, причем в самом широком смысле. Я по натуре человек-путешественник, и меня влечет все неизвестное.

— И в литературе тоже? Не секрет, что писатели как-то не склонны к чтению своих коллег.

— А я многое читаю с большим любопытством.

— В каком же направлении, на ваш взгляд, движется наша сегодняшняя проза?

— Как ни странно, она переходит к какой-то форме натурализма, причем явно в традициях XIX века. Я слежу за этим процессом с интересом, и дай Бог, чтобы движение к документально-художественной прозе стало открытием новых человеческих восприятий.

— Разве такое все еще возможно?

— По-моему, вообще ничего невозможного нет, и человеческие наблюдения безграничны. Вовсе не обязательно что-то этакое изобретать. Не знаю, не пробовала, но допускаю, что, вполне вероятно, просто сидя в подъезде и глядя на творящееся вокруг, написать невероятно талантливо, так, что откроется нечто новое и неожиданное.

— Заклестнувший нашу литературу поток эротики, разрастанию которого немало способствовало ваше поколение, есть реакция на в целом строгую, целомудренную традицию отечественной литературы?

— Могу сказать, что если бы я читала только нашу классику, то никогда не узнала бы, как люди занимаются любовью, как появляются на свет дети, и, наткаясь на тире,

точки и пробелы, несомненно, стремилась бы на собственном опыте разгадать загадку. Решив же ее, постаралась бы все это описать или нарисовать. Другое дело, что в современной литературе слишком много механики секса и очень мало любви. Все-таки какая-то тайна в этой сфере должна оставаться. В любви может почти не быть секса, кстати, я не имею в виду любовь платоническую, в которую не верю. Речь идет о скрытом сексе. Мне кажется, что эротическая культура у нас только развивается, и в будущем грянет что-то интересное.

— Как относитесь к проблеме мужской и женской прозы?

— Ее не существует, есть проблема хорошей и плохой литературы.

— Но значительная часть ваших собратьев по перу уверяет, что с первых же страниц может легко распознать пол автора.

— Со мной такого не происходит. Когда я читаю мою любимую Петрушевскую, то не могу определить, что это написано женщиной. Я не встречала в большой литературе суперпроявлений пола. Пишущий человек — андрогин, способный быть и женщиной, и мужчиной, и ребенком, и птицей, и животным, и растением, поэтому ему все доступно. Меня, к примеру, давно интригует состояние и ощущения гомосексуалистов, и, наверное, я напишу такой текст. Уверю, что если дам вам рукопись анонимно, то вы ни за что не догадаетесь, что автор — женщина.

— Свои тексты вы сопровождаете рисунками?

— Обычно рисую что-нибудь на тему — фигурки, домики и тому подобное. Иногда наброски, сделанные в рукописи, могу развить в живописи.

— Как разнятся ощущения, вызываемые процессами письма и рисования?

— Когда я пишу тексты, я не задумываюсь о том, что я писатель, и не осознаю предел своих возможностей. Когда я рисую, то помню, что я художник, и знаю, что смогу сделать, а что нет. Причина здесь, по-видимому, в степени профессионализма. Кроме того, в живописи скрываются некоторые чисто технические моменты — писать-то я могу и сидя, и лежа, а тут требуется некое пространство, этюдник, хотя можно обойтись и без него, горячая вода, если работаешь маслом, и так далее.

— Ваша проза отличается ритмичностью и музыкальностью...

— В самом деле, я всегда ощущаю контрапункт каждой сюжетной темы, каждого персонажа, и когда пишу, то слышу некий довольно упорядоченный шум, но все это звучит только во мне, и ни паплет, ни воспроизвести его, переложив на ноты, я не в состоянии.

— Верно ли, что вы подвластны магии имен и, выбирая их для своих героев, буквально священикодействуете?

— Это мучительнейший этап в моей работе. Пока не найду единственно соответствующее герою имя или фамилию, не начинаю писать.

— Как бы вы определили ту нишу, которую занимаете в литературе?

— Мне ясно лишь то, что у нее нет крыши в самом прямом смысле этого слова, т.е. она находится прямо под открытым небом. Я с детства дружу с небом, и в любую погоду, даже в туман, дождь или снег, чувствую его присутствие.

Нарбикова Валерия

5.02.03